

ЭО, 2006 г., № 6

© А.В. Фролова

ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА В XX – НАЧАЛЕ XXI в.*

Архангельский Север – одна из немногих историко-культурных зон Европейского (Русского) Севера, стабильный интерес к которой со стороны исследователей наблюдается в течение двух последних столетий. Особенности историко-культурного развития (отсутствие крепостного права, разрушений военных лет, больших миграций населения и т.д.) способствовали сохранению комплекса традиционной праздничной культуры в большей степени, чем в центральных районах России.

Праздники и обряды как этнокультурное явление представляют собой одну из форм жизни этноса. Истоки традиционных праздников и обрядов следует искать в глубокой древности, в сложном переплетении элементов аграрно-магических представлений и языческих культов. На протяжении столетий этническая культура русских, пронизанная архаическими верованиями народа, передаваясь из поколения в поколение, постоянно трансформировалась, дополняясь новыми элементами, и с течением времени все более сливалась с православной верой. Многовековое существование традиционных, празднично-обрядовых форм наполнялось различными напластованиями и трансформациями.

На каждом историческом этапе власть "пыталась использовать" праздник в собственных интересах. При переходе общества от одной социально-экономической формации к другой праздничный календарь подвергается особенно сильным изменениям. Так, Октябрьская революция 1917 г. изменила сложившиеся комплексы праздничной культуры и открыла возможности для создания новых.

В данной статье будут рассмотрены эти интереснейшие переходные моменты в истории русских на региональном уровне. Также для автора представляется важным и интересным исследование процесса становления новой советской праздничной культуры. Изучение этого явления необходимо еще и потому, что мы можем упустить «...изучение этнографии "советскости", и этот долг предстоит вернуть как можно скорее, пока не исчезла "традиционная" культура советского времени» (Тишков 2000: 4).

Официальный календарь Российской империи в конце XIX в. включал 94 праздничных дня (Андреевский 1911: 14). К церковным праздникам, "царским" дням (празднование дней рождений и тезоименитств императора и императрицы, дня восшествия на престол, коронавания) следует прибавить местные праздники: обетные, престольные, дни памяти особо чтимых местных святых и др. В совокупности русский праздничный календарь составлял в среднем 100 дней, а в некоторых областях Русского Севера от 120 до 150 (Там же: 4; Бернштам 1988: 213).

Календарные праздники

Традиционный праздничный календарь русских, дольше всего сохранявшийся в сельской местности, складывался из нескольких циклов, достаточно подвижных в раз-

Фролова Александра Викторовна – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 04-01-00011а).

личных регионах. В основе выделения календарных комплексов лежала природно-аграрная последовательность годовых периодов, на которую накладывалось членение христианского (юлианского) календарного года по сезонам: зимний – циклы святочнорожественский и масленичный, большой весенний – недели Великого поста, Пасха; летний – троико-купальский период, Иванов, Петров, Ильин дни, Успение; осенний – Рождество Богородицы, Покров. В Архангельском крае весенний и осенний циклы были значительно усечены по сравнению с праздничными комплексами Центральной России (Дранникова 2001: 24–26). Праздничный календарь был связан также с церковными святыми. За века существования православия святые переосмыслились крестьянами сообразно их "положению" в календаре, а их имена соединялись с трудом и бытом крестьянина.

Список особо чтимых святых был достаточно устойчивым на всем пространстве Русского Севера. Первенство занимали Николай Угодник и Параскева Пятница, число их именных часовен и храмов в 2–3 раза превышало количество остальных, а культ святого Николая пронизывал и все стороны севернорусской морской культуры. Затем по значимости следовали великомученик Георгий, мученики Флор и Лавр, Илья Пророк, Иоанн Креститель. Среди праздников также особо выделяли Егорьев и Петров дни (Теребихин 1993: 83).

Особенно широко было распространено почитание святых – местных уроженцев. В разных уездах Архангельской губ. отмечалась память преподобного *Варлаамия – Варлаамьев день* (Насонова 1998: 88–89), почитали Антония Сийского, Иоанна Кронштадтского (Сурского), Артемия Веркольского и его сестру Параскеву Пиринемскую, Никодима Кожеозерского, Макария Красногорского и др.

В Архангельском крае на складывание календарных праздников наложила отпечаток специфика сельского хозяйства. Этот регион – зона рискованного земледелия, и здесь оно никогда не являлось основным занятием населения. Объединяющим хозяйственным началом в Архангельском крае были лесные и иные промыслы. Годовая доля дохода крестьянских хозяйств от отхожих заработков и промыслов в начале XX в. составляла – 75% (ГААО: Ф. 270. Оп. 1. Д. 150. Л. 20). Необходимо отметить и роль скотоводства в хозяйстве архангельского крестьянина. Особенно большое значение оно имело в Мезенском, Пинежском, Холмогорском уездах (Справочник 1997: 43, 51, 54). Все это сказалось на народном праздничном календаре Архангельского Севера и, вероятно, послужило причиной возникновения так называемых *съезжих* праздников с приуроченными к ним общественно-семейными церемониями *гостевания* (Бернштам 1988: 118–120; *Полищук* 1997: 118–120). *Съезжий* (*съезжой/пивной*) праздник мог приходиться как на престольные праздники, так и на обетные (*кануны*), устанавливавшиеся самими крестьянами чаще всего в память об эпизоотии, большом падеже скота в деревне (Теребихин 1993: 80–82). Такой праздник считался главным в народном календаре, и только в эти дни устраивались особые многодневные гуляния: мезенские *петровщины*; пинежские, холмогорские *метница*; поморские *круги*.

В начале XX в. после Первой мировой войны многие исследователи отмечали ренессанс крестьянских праздников на Русском Севере (Колпакова 1975; Крестьянское искусство 1928).

Рождество и святки были самыми любимыми зимними праздниками севернорусских крестьян. Святочный период от Рождества Христова (25 декабря/7 января) до Крещения (6/19 января) был поистине праздником молодежи. Игры, песни, обходы домов, посиделки с игрищами, гадания создавали неповторимую атмосферу святочного веселья. Не только в Архангельском крае, но и по всей России был распространен обычай: *славить Христа* и ходить *наряжонками* (ряжеными). На святках по деревням ходили колядовщики/христославцы со звездой, которые, останавливаясь у каждого дома, пели старинные величальные *виноградья*, молитвы и песни, прославляющие Христа, желали благополучия хозяевам. Многие исследователи писали о существова-

нии на Архангельском Севере в XIX – начале XX в. нескольких видов ряженных: медведем, цыганами, женихом и невестой, стариком и старухой, чертом и т.п. (Чирцов 1916; Чичеров 1957: 192–200; Пропп 1963: 105–120). На Крещение те, кто ходил *наряжонками*, после освящения *Иордани*, специально вырубленной проруби в форме креста, обязаны были окунуться в нее. Одним из самых любимых святочных молодежных развлечений Архангельского Севера была *кудеся* (обрядовое озорство). С Рождества до Крещения парни и девушки, подростки вместе и по отдельности "насыпали на порог дома золу, замораживали двери, вытаскивали со двора сани, опускали тетеревиное перо в печную трубу, разбрасывали *костры* (поленница дров. – А. Ф.)" (ПМА 2).

Масленица, как и по всей России, носила развлекательный характер, говорили – "широкая Масленица наступила". Основной компонент масленичной обрядности – проводы масленицы и масленичные костры – на Архангельском Севере отсутствовали.

Если Святки были праздником холостой молодежи, то Масленица – молодоженов (Пропп 1963: 128). Повсеместно были распространены подшучивания над молодоже-нами: *примораживать молодых, солить рыжики, шапки трясти* (ПМА 1; ПМА 3). Одной из масленичных забав было катание с гор. Горки готовили заранее и разных видов: естественные, залитые водой; специально построенные, деревянные; были и просто уложенные на скате две жердины (*катушки*). Большой популярностью пользовались катания на тройках, парах. Сани, дуги были празднично расписаны, украшены лентами, бубенцами, поддужными колокольчиками. На Архангельском Севере Масленица, в отличие от других регионов России, не везде сопровождалась блинами. Вместо блинов здесь пекли *шаньги*, *сковородники* – круглые лепешки из жидкого пшеничного теста, политые сверху сметаной.

Во время Великого поста отмечали Вербное воскресенье, заготавливая к этому дню из вербы *вички* (ветки). Страстная неделя была наполнена приготовлениями к встрече Пасхи, особенно выделялся Чистый четверг. В этот день все обрядовые действия носили очистительный и оберегающий характер. Существовало поверье, что если в этот день перетрясешь все наряды из сундуков, то весь год будешь с обновлениями (ПМА 2). С этого дня хозяйки начинали красить яйца, делали *сыр* (сырную пасху), пекли куличи, а также в больших количествах выпекали *калитки*, *сочни* и любимые *шаньги*: "напекут шанег стопы такие большие, да разные: пшенины, крупяны" (ПМА 3).

Пасха – самый большой православный праздник. Пасхи не бывало без качелей. Большие общие *качулы* устанавливали на следующий день после пасхального воскресенья, маленькие вешали в каждом деревенском доме на поветях. С этого же дня дети могли ходить на ходулях. Повсеместно было распространено *скакание на досках*. С Пасхи начинались и летние гуляния молодежи.

Среди населения Пинеги, Холмогор, Мезени и Лешуконья долгое время сохранялись обряды, приуроченные к 1 Мая как рубежу между зимой и летом. В ночь на 1 Мая за деревней на самом высоком *угоре* (горе) жгли костры. Молодежь водила вокруг костра хороводы, пела песни, танцевала, иногда прыгала через него, когда огонь разгорался, кричали: "Лето встречаем, зиму провожаем!". Первомайские костры, вероятно, можно соотнести с проводами Масленицы. Неслучайно здесь не жгли костров на Масленицу. По мнению С.И. Дмитриевой, проводы зимы и встреча весны были перенесены на более позднее время в соответствие с природными условиями (Дмитриева 1988: 30).

Важное место в народном календаре занимал весенний праздник *Егорьев день* – (23 апреля/6 мая). Обряды этого дня повсеместно отличались животноводческой направленностью. В сознании севернорусского крестьянина прочно укоренилось правило – первый раз выгонять скотину нужно обязательно на Егория.

Троица (седьмое воскресенье после Пасхи), очень широко отмечаемый праздник в России, на Севере не отличался особым разнообразием обрядов. Наиболее распро-

страненным было украшение на Троицу домов как изнутри, так и снаружи ветками березки.

Одним из любимых летних праздников, сопровождавшимся многодневными гуляниями, была *Святая*, или *Девятая Пятница*, т.е. девятая пятница после Пасхи.

Среди летних праздников выделялись Иванов (24 июня/7 июля) и Петров дни (29 июня/12 июля), так называемые *Ивановки* и *Петровки*. Иван Купала – один из важнейших народных годовых праздников. С этой даты начинался сбор трав и летние гадания. В суровых климатических условиях Архангельского Севера сформировался своеобразный купальский ритуал: накануне Ивана Купалы обязательно парились в бане специальными венками с целебными травами. Петров день, по времени непосредственно примыкавший к Иванову, воспринимался как единый праздничный цикл с Купалой. Примечательно, однако, что именно в Мезенском крае Петров день дал название особым летним гуляниям – *петровщинам*, устраивавшимся в разные летние праздники от Пасхи до Ильина дня.

Петровщина, так же как и *метіце*, – своеобразное народное гуляние, проводившееся всегда в *съезжие* праздники. Главным событием таких гуляний становился молодежный хоровод, который в каждой деревне носил свое название: *застенок*, *столбы*, *круги*. В начале XX в. *петровщины* воспринимались крестьянами в большей степени как общественные смотры невест, а не обрядовые танцы. Н.П. Колпакова, побывавшая на Мезени в 20-е годы XX в., описывала мезенские гуляния именно с этой точки зрения: "такие гуляния были своеобразными смотринами" (Колпакова 1967: 11).

8/21 июля в Мезенском, Пинежском, Каргопольском краях отмечали *Прокопьев* день, во многих селах он считался *съезжим* праздником. В этот же день в центральных и южных районах русские крестьяне отмечали *Богородицын* день – праздник, посвященный Казанской иконе Божьей Матери (Тульцева 1997: 642). Ильин день (20 июля/2 августа) также был почитаемым праздником на Архангельском Севере.

Из трех праздников во имя Спаса на Архангельском Севере, в отличие от центральной и южной России, отмечали лишь один *Спасов* день – Преображение Господне (6/19 августа), входивший в число двенадцатых непреходящих праздников.

Фролов день (мучеников Флора и Лавра, 18/31 августа) – конский праздник – один из значительных в быту русского крестьянина. В этот день приводили лошадей к церквям и часовням и окропляли их святой водой.

Покров (Покров Пресвятой Богородицы, 1/14 октября) в Архангельском крае, как и повсеместно по России, был началом молодежных *бесед/вечерянок*, с Покрова же начинали справлять свадьбы.

Казанская (Казанская икона Божьей Матери, 22 октября/4 ноября), Михайлов день (8/21 ноября), *Еданьев* день (Введение Пресвятой Богородицы во храм, 21 ноября/4 декабря), Прокопий Зимний (22 ноября/5 декабря) и Никола Зимний (святой Николай Чудотворец, 6/19 декабря) – праздники осени и начала зимы – были по сути своей праздниками сбора урожая, в эти дни открывались ярмарки и местные торги. По традиции, крестьянская община отмечала эти праздники в форме *ссыпчин* – совместных пивных трапез, к которым сообщая, всем миром, варили пиво или брагу, готовили обильное угощение.

В городах Архангельского Севера, жители которых в большинстве своем в прошлом были крестьянами, также справляли календарные праздники, любили их и представители других слоев общества. В Архангельске они были обусловлены ролью Северной Двины в жизни города и всего края. Так, крестные ходы направлялись к набережной, на Крещение ряженые купались в проруби в Северной Двине (Вертячих 1998:8), на Масленицу самые высокие горки устраивались по берегам Северной Двины.

На святки устраивались маскарады и танцевальные вечера для учащейся молодежи. Об одном из таких вечеров, где гимназисты танцевали и "толкались как мошкара в болоте", вспоминал Илья Бражнин (*Бражнин* 1972: 189). Маскарадные костюмы были самыми различными, горожане использовали сохранившуюся старинную одежду, в чести была и ее имитация. По воспоминаниям А. Шадрина, святочные ряжения устраивались и в уездных городах. Ряженных в городе называли "маскированными". Канцелярские, чиновники, мещане толпами ходили по городу в удивительных маскарадных костюмах, угощали их водкой и десертом. Деревенские ряженные в город не ездили (*Шадрин* 1866: 112–113).

На Масленицу по всему Архангельску устраивались ледяные горки и катки: в Солмбале¹, на базарной площади, на льду Северной Двины, в Александровском (Летнем) саду, в Гагаринском сквере, на площадях и улицах города. Если горка мешала проезду, возле нее ставили полицейского, регулировавшего движение по улице. Ледяные горки украшались елками, флагами и фонарями. Особенно любила их посещать учащаяся молодежь, нередко можно было увидеть и "интеллигентную" публику, даже офицеры катались. Ледяные катки устраивались и на *мхах* – за Обводным каналом, между современными улицами Володарского и Попова. Вечерами здесь играла гармоника, зажигались смоляные бочки. Эти катки посещала молодежь из мещанского сословия, а также горничные и прислуга.

На каждую Масленицу в Архангельск прикочевывали ненцы и катали горожан на оленьих упряжках по льду Северной Двины. В городе устраивались и катания на тройках. Проводы и парадный "поезд Масленицы" в Архангельске были очень своеобразными. "Поезд" состоял из пяти оснащенных катеров, поставленных на полозья и украшенных флагами. В одном из катеров находились почетные лица города и члены их семей, в других – оркестр и песенники. Процессия двигалась по центральной улице города и ее сопровождало множество экипажей и простых горожан. В конце представления избранное общество собиралось в клубах (*Давыдов* 1986: 218).

Весенне-летние праздники – Никола Весенний (9/22 мая), Троица (май–июнь), Иванов, Петров и Ильин дни – архангелогородцы проводили на левом берегу и островках Северной Двины, благо лодки и прочие суденышки были почти у всех.

Жители подгородных деревень и сел устраивали *метища*, на которые большими группами приезжали горожане. В Петров день – в Заостровье, в Ильин день – в Кегостров, где проходили большие совместные гулянья архангелогородцев с сельскими жителями дельты Северной Двины. Праздник проводился при многочисленном стечении народа, на лугу устанавливались палатки, проходил торг (*Шергин* 1990: 221).

Осенью, после Покрова в сельской местности начинались молодежные *беседы/носиделки*, а в городе – *вечеринки* с чаепитиями и всевозможными десертами, играми, песнями и танцами. "Мещанская молодежь, особенно канцеляристы, пуншует для большей храбрости", поэтому вечеринки не обходились без ссор, драк, рваных сюртук и манишек. Однако "ссоры длились не долго – с виноватого – бутылка рома и после троекратного взаимного целования – делу конец" (*Шадрин* 1866: 110).

Государственные и гражданские (городские) праздники начала XX в.

Судьба праздников в городе и сельской местности складывалась по-разному, чему в немалой степени способствовала их календарная приуроченность, а также особенности механизма формирования новых праздников в городской и сельской среде. В городе, предрасположенном к праздникам светского характера, преобладала ориентация на новации, а в сельской среде – на традиции.

Архангельск занимал особое место среди городов северного региона по своим размерам и значимости в экономической жизни края. Архангелогородцы внесли свой вклад в становление русской городской культуры, в том числе и праздничной.

К началу XX в. Архангельск был одним из самых крупных городов Русского Севера. В 1914 г. в нем проживали 45 614 человек (Справочник 1997: 28). В составе всех социальных и профессиональных групп горожан преобладали русские (94–96% жителей Архангельска). Среди иноэтничного населения выделялась группа немцев, поселившихся в городе в первые десятилетия его основания² и образовавших кварталы Немецкой слободы. Там же селились и другие иностранные предприниматели и торговцы: англичане, голландцы, норвежцы, датчане и пр. (Давыдов 1988: 9).

Возникновение Архангельска и постоянно растущее значение его в жизни государства в значительной степени были связаны с удобствами географического расположения города-порта в устье самой крупной реки края – Северной Двины, соединявшей внутренние районы страны с побережьем Северного Ледовитого океана. В течение нескольких столетий на Архангельск была ориентирована миграционная активность населения из северо-западных, западных и других губерний: Олонецкой, Виленской, Витебской, Новгородской и Вологодской (Давыдов 1988: 8). Севернорусские крестьяне воспринимали его как единственный и уникальный город. Пинежанин, мезенец говорил – "схожу в Город", не называя его, и каждому было ясно, что речь идет об Архангельске (Теребихин 1993: 46). При встрече судов в море поморы спрашивали друг друга: "Откуда Бог несет? – С Мурмана – в Город" (Максимов 1984: 92).

Особенностью Архангельска было наличие порта и сочетание в городской пространственной структуре двух частей: собственно городской территории и акватории – освоенного водного пространства, где в гавани находились корабли. Портовому назначению подчинялась и архитектурно-планировочная структура Архангельска: все проспекты города шли параллельно набережной, от которой начинались радиальные улицы, пересекавшие проспекты. Радиальные улицы устремлялись не к центру города (Гостиные Дворы, Троицкий собор), а к окраинам (*мхам*), реализуя кратчайшее расстояние от них до набережной (Давыдов 1988: 11). Специфика портового города накладывала свой отпечаток и на городской быт, который определялся сезонной цикличностью навигации. Каждая навигация привлекала большое количество приезжего населения, в том числе и иностранных моряков. Так, например, в 1870-е годы, когда численность городского населения была около 20 тыс. человек, во время навигации в Архангельск приезжало ежегодно от 5 до 8 тыс. иностранных моряков, от 3 до 4 тыс. поморов с побережья и до 10 тыс. судорабочих (Давыдов 1988: 8). Зимой же гавань превращалась в занесенную снегом окраину города. Среди профессий горожан выделялась большая группа занятий, связанных с обслуживанием порта. Развитие со второй половины XIX в. экспорта леса на Севере привело к появлению в городе лесопромышленности и формированию самой большой и активной части архангельского пролетариата – рабочих лесозаводов.

К концу XIX в. в Архангельске, как и в других крупных городах Российской империи, сложился особый ритуал празднования торжественных дат и гражданских праздников, который традиционно включал в себя обязательную церковную и светскую части церемониала, порой занимавшие два–три дня: богослужение и литургию с шествием или крестным ходом, торжественные заседания и балы в Благородном собрании, грандиозные маскарады, "обеды для крестьян из нескольких блюд с потчеванием водкой" (АГВ 19: 3–4; АГВ 21: 3–4), народные гуляния, фейерверки и т.п.

В Архангельске, следуя примеру обеих столиц и других губернских городов, празднование царских дней, носившее преимущественно официальный характер, устраивалось с большим размахом. В свою очередь губернскому городу вторили небольшие уездные города.

Так, в г. Шенкурске в 1896 г. очень торжественно было отпраздновано коронавание их Императорских Величеств. Накануне, 13 мая³, в местных церквах отслужили все-нощные, 14 мая – литургии и совершили торжественный крестный ход, затем должностных лиц пригласили в здание общественного управления на банкет. Во дворе Го-

родского управления было предложено угощение народу, который, снимая шапки и крестясь, желал многолетия и здравия их Императорским величествам. 15 мая состоялось народное гуляние, а 16 мая в местных клубах прошли семейные вечера. 3 дня в городе стоял церковный звон. Город был украшен флагами, арками, иные дома зеленью и вензелями. Городские власти выделили некоторым жителям "вспомоществование": арестантам – улучшенное питание в течение трех дней, учащимся приходского училища были розданы лакомства (АГВ 47: 3–4).

Для людей простого сословия празднование царских дней ограничивалось посещением церковной службы. Видимо, не случайно в народе говорили: "Царский праздник не наш, а государев" (*Даль* 1957: 821). В деревнях их не признавали за праздники и в эти дни работали (*Полищук* 1997: 585).

Особенно торжественно отмечались в Архангельске памятные даты и юбилеи, связанные с историей российского государства и экономической деятельностью города: 200-летие Полтавской победы, 300-летний юбилей Архангельска, 6-я годовщина Архангельского вольного пожарного общества, 148-я годовщина первого прибытия Петра I на Моисеев остров и т.д. (АГВ 19: 3–4; *Лудмер* 1885: 6–8; Описание... 1909: 13–16).

На проведение торжеств, посвященных 300-летнему юбилею Архангельска, было получено разрешение царя, а программа праздника утверждалась министром внутренних дел. Праздник начался 5 сентября всенощным бдением в церкви Михаила Архангела. 6 сентября состоялось торжественное богослужение во всех церквях города, после обедни из Михаило-Архангельской церкви в кафедральный Троицкий собор был совершен крестный ход, затем после литургии в соборе – торжественное шествие с иконами и хоругвями к специально выстроенной эстраде, где прочтен благодарственный молебен, по окончании которого прозвучал пушечный салют с военной шхуны. В зале городской думы состоялась торжественное заседание. Днем началось народное гуляние с угощением, а в 5 часов пополудни в зале Благородного собрания был дан обед избранной публике. 7 сентября у Соломбальского моста прошла гонка яхт с призами. На плацу против казармы состоялось народное гуляние, во время которого играл оркестр военной музыки. 8 сентября для учащихся было организовано катание по Северной Двине на пароходах с угощением. Юбилейные празднества завершились балом, данным в Благородном собрании 9 сентября (*Лудмер* 1885: 6–8).

Традиции городских праздников Архангельска были тесно связаны с его портовым назначением. Празднично отмечался спуск корабля на воду. Накануне отплытия в домах моряков устраивались торжественные проводы. В настоящий праздник превратились в 1912 г. проводы экспедиции Г.Я. Седова – первой русской экспедиции к Северному полюсу. На причале была выстроена трибуна, рядом с которой расположились два духовых оркестра. Служили молебен, пел церковный хор. С трибуны выступали с напутственными словами представители Архангельского общества изучения Русского Севера. Экспедицию провожали криками "ура", звоном колоколов кафедрального собора и церквей. На проводы собралось около тысячи человек (*Шергин* 1971: 167–168).

Балами и маскарадами в Архангельске сопровождалась новогодние праздники и святки. Они проводились в зданиях Дворянского собрания, Клубе приказчиков, Коммерческом клубе, Офицерском собрании. Традиционным был общегородской маскарад в ночь с 1 на 2 января. В здании Дворянского собрания происходил общедоступный маскарад с 9 часов вечера до 3 часов пополуночи 2 января. Регламент каждого костюмированного бала или маскарада заранее тщательно оговаривался и печатался в билетах. Поражала изобретательность их участников и выразительность маскарадных костюмов. Так, на маскараде 1910 г., состоявшемся в Архангельском городском театре, привлекли внимание костюмы: "Народное богатство", "21-е число", "Обед для бедных на 204 человека", "Архангельский пожарный" (верхом на пожарной бочке) и др. "Народное богатство" представлял собой дамский костюм из пакли и соломы с венком из колосьев и васильков; "21-е число" – костюм-шарж на пьяненького арханге-

логородского чиновника в день получки, 21-го числа каждого месяца; костюм "Обед для бедных" был сатирой на благотворительность – маска держала в руке горшочек с кашей, а весь костюм был увешан ложками. Этот костюм получил первый приз. Популярны были танцевальные и семейные вечера в Народном доме и Солдатском собрании в Соломбале (Давыдов 1986: 217).

Каждый год в начале декабря в городских булочных и кондитерских появлялись пряники-козули – исконно архангельское лакомство. Об архангельском прянике, знаменитой рождественской козуле, одном из "чудес" Русского Севера, написано много. Еще в XIX в. писатели, художники, этнографы с восторгом описывали пряничные базары в Архангельске, обычаи обмениваться козулями, украшать ими новогодние елки. В каждом городском доме в предновогодние дни царили особый пряничный аромат, загадочные пряничные персонажи в пышном сахарном кружеве, похожем на морозный иней. Название козули (*коровки, баранки, рогушки, козульки*) связано с изображением рогатых животных. В народном искусстве они символизировали силы плодородия. В сюжетах городских пряников-козуль присутствовали мотивы языческой мифологии и картинки старой русской жизни.

Главный декоративный и очень эффектный элемент городских козуль – их сахарное убранство, цветной и фактурный контраст сахарной поливки с темным пряничным тестом (темный цвет достигался благодаря использованию патоки, а позднее жженого сахара). У каждого мастера вырабатывался свой стиль, свои формы, приемы украшения. К сочельнику козулями запасалась каждая семья (Архангельские козули 1999).

Проводились в Архангельске начала XX в. и новогодние детские вечера. Особенно известной и роскошной считалась новогодняя елка у купчихи Екатерины Кирилловны Плотниковой. Она устраивалась для избранного общества, но на нее обязательно приглашали детей из приюта и детей священников. На каждой елке детей угощали чаем и разнообразными сладостями, раздавали им подарки (Вертячих 1998: 11).

Летние увеселения архангелогородцы начинали встречей лета, переняв у двух столиц приуроченную к 1-му мая встречу весны (лета), так называемую *майёвку* (Полицук 1997: 580). В этот день экипажи и пешеходы отправлялись за город по столичному тракту с узелками, самоварами и другими принадлежностями для пикников встречать лето (Попов 2003: 24). В каждом городе *майёвка*, как и любое народное гулянье, справлялась на одном и том же месте. В Архангельске это место сейчас известно под названием Майская Горка.

Паломничество (богомолье) к святым местам Северной Фиваиды являлось неотъемлемой частью жизненного уклада архангелогородцев. «Мало кто ездил "на дачу", но семья хоть раз в лето собиралась на богомолье – к Соловецким, к Антонию Сийскому, к Ивану и Лоррину Яреньгским, к Вассиану и Ионе Пертоминским...» (Теребин 1993: 43).

26 июля/8 августа – в день святой преподобномученицы Параскевы, по обычаю, заведенному с XVIII столетия по случаю бывшего тогда "скотского падежа", сотни горожан отправлялись на богомолье на остров Глухой на Северной Двине. Б.В. Шергин дал проникновенное описание паломничества к Соловецким святыням во время престольного праздника Преображения Господня – главного поморского праздника (Шергин 1990: 321).

Трансформация праздника в советский период

После Октябрьской революции 1917 г. изменились сложившиеся комплексы праздничной культуры. В процессе "приобщения" к новому образу жизни происходило внедрение и новых революционных праздников, обновление или вытеснение праздников народного календаря, введение новых обрядовых действий, освящающих "пере-

ходное состояние" в жизни человека (рождение, свадьба, похороны и т.д.). Внедрение советской общественностью праздников "красного" революционного календаря, попытки замены народного календаря, а затем и его ликвидации, особенно традиционных народных праздников, составлявших "скелет", основу традиционной праздничной культуры, свидетельствовали о стремлении радикально перестроить духовный мир человека.

2 декабря 1918 г. декретом Совета Народных Комиссаров в стране были установлены 6 государственных праздников (Иникова 1995: 299), к середине 1920-х гг. было декретировано 9 революционных праздников и особых дней отдыха: 1 января – Новый год, 21 января – день траура (смерти В.И. Ленина), 22 января – день памяти 9 января 1905 г., 12 марта – день низвержения самодержавия, 18 марта – день Парижской коммуны, 1 мая – день Интернационала, 7 ноября – день пролетарской революции, 6 июля – день Конституции СССР, 8 марта – Международный день работниц. Количество революционных праздников постепенно увеличивалось, и к десятой годовщине Октября их число достигло 13. Среди них было три международных и четыре советских (Полищук 1997: 586). Иногда их празднование совмещали. Так, 5 июля 1925 г. происходило празднование Международного дня кооперации и 3-й годовщины Конституции СССР (Известия 1925). В первые годы советской власти в быту продолжали сосуществовать как новые революционные праздники, так и старые – религиозные.

Смысл праздников "красного" календаря определил сам В.И. Ленин. Он видел в создаваемой социалистической революцией праздничной культуре "эффективнейшее" средство этой же революции (Мазаев 1978: 229). В.И. Ленина интересовали прежде всего массовые революционные праздники, предпосылкой и основанием для которых стала *майвка* – дореволюционный пролетарский праздник. "Митингование, это и есть настоящий демократизм трудящихся, ...их пробуждение к новой жизни", – считал вождь (Ленин 1958: 201–202). В раннем советском массовом празднике центральное место, помимо митинга, занимало шествие, демонстрация, движущаяся под маршевую музыку духовых оркестров. В столицах и губернских городах в создании и оформлении подобных праздников участвовали в основном профессиональные художники, а затем и театральные деятели, их творческими мастерскими становились целые города. В целом же это было искусственное детище интеллектуалов, принявших революцию.

По мнению современников, отношение народа (в первую очередь крестьян) к первым революционным праздникам было неоднозначным, поскольку идеи, в них заложенные, а также и оформление их было модернистскими, непонятными. Площади и улицы городов, по которым шествовали демонстранты, декорировали красными, черными и зелеными парусами, оранжевыми кубами, фантастическими искаженными фигурами с молотами и винтовками, расписывались стены домов, заборы (Коротяев 1998: 99). Все здания, "в которых помещались государственные учреждения и хозорганы, кооперативные клубы, ...витрины кооперативных магазинов празднично убрались зеленью, красной материей и флагами. Особенно выделяется витрина Церабкопского магазина № 18. Женщина-крестьянка в русском сарафане и мужчина-рабочийжимают друг другу руку, между ними портрет Владимира Ильича на красном фоне" (Волна 1: 2).

В начале 1920-х годов основное место в оформлении празднеств занимали театральные представления карнавального характера: сатирически-гротесковые инсценировки, скетчи, декламации, цирковые номера. К этому же времени относится и всплеск деятельности кружков художественной самодеятельности. В Архангельске в конце XIX в. уже существовали самодеятельные кружки народного театра на лесопильных заводах Маймаксы (рабочий поселок в 18-ти верстах от Архангельска). В праздничные и воскресные дни заводские рабочие устраивали выступления рассказчи-

ков и куплетистов, а затем и народные гуляния в Летнем городском саду и заводских парках (АГВ 47: 3–4).

В истории зарождения советской праздничной культуры отправным событием можно считать 1 мая 1918 года, когда впервые после победы Октябрьской революции в ряде городов – Москве, Петрограде, Киеве, Саратове, Архангельске, Воронеже и других – были проведены праздничные церемонии. Об этом событии в Архангельске вспоминал Иван Боговой: "1 мая 1918 – настоящий рабочий праздник" (*Боговой* 1924: 55). В разные годы Первомай в Архангельске, как и в других крупных городах России, отмечался по-разному, в зависимости от политической обстановки в стране и накопленного рабочими арсенала форм политической борьбы (*Полищук* 1997: 580).

Первое празднование Первомай в Архангельске, организованное политссыльными рабочими и уже существовавшим рабочим марксистским кружком, состоялось в 1899 г. «В этот год Маёвку праздновали на большом карбасе, прячась в бесконечных извивах Северной Двины, напеваем "Смело, товарищи, в ногу". Марсельеза не клеится, не умеем, лишь подтягиваем в припеве...» (Там же 1924: 12). С каждым годом "ширилось празднование": в 1905 г. происходил митинг в Маймаксе и гуляние на *Быку* (набережная Северной Двины) (*Боговой* 1924: 19–20), следующие годы отмечались забастовками, митингами, демонстрациями. Празднование 1 мая в Архангельске на протяжении многих лет носило достаточно сложный и напряженный характер. Так, в 1910, 1911, а также с 1913 по 1916 гг. рабочие не могли открыто праздновать свой день.

С 1920 г. 1 Мая часто соединяли с субботником. На первый всероссийский субботник-маёвку, состоявшийся в этом году, в Архангельске, по словам современника, "все трудовое население вышло на работу. На площади возле Летнего театра организовали чай и раздачу белого хлеба. Большая партия – 12 тысяч человек работала на прорытии канала. Работа закончилась в конце 2-го часа, участвующим раздали продовольственный паек. Вечером, после субботника – на заводах митинги, спектакли, концерты, представления под открытым небом" (*Боговой* 1924: 70–73).

В годы нэпа праздничная церемония в городе обогатилась массовыми уличными развлечениями, концертами, спортивными выступлениями, демонстрацией производственных достижений, "политкарнавалом". Со второй половины 1920-х годов праздники стали делиться на две части: на демонстрацию, которой предшествовал военный парад, и вечернее народное гулянье в день демонстрации или на следующий день (Волна 2: 3–4).

Методы проведения революционных праздников идеологи и практики Главполитпросвета (ГПП) в сотрудничестве с Агитпропом ЦК РКП-ВКП(б) и ЦК РЛКСМ-ВЛКСМ старались распространить и на народные традиционные праздники. В начале 1920-х годов началась борьба против "старых праздников". С этой целью было создано несколько новых журналов, среди которых наиболее рьяно антирелигиозной пропагандой занимались "Красный Ворон" и "Антирелигиозник".

Любимые в России праздники Рождества и Пасхи – главные православные праздники, поэтому была предпринята попытка вложить антирелигиозное содержание в традицию святочных и пасхальных гуляний. Тем более что, по мнению идеологов, молодежь в подобных торжествах интересовала только развлечения. Итогом было появление первых новых праздников, так называемых "комсомольского Рождества" и "комсомольской Пасхи".

В Архангельске первое "комсомольское Рождество" состоялось в 1923 г. и вылилось в шествие комсомольцев по улицам с трубами и плакатами "Беспощадная война религии!". Участники мероприятия проводили небольшие митинги около всех крупных городских культовых зданий: кафедрального собора, синагоги, у молельного дома евангелистов, собирая вокруг себя множество зрителей. Второй "атакой на богов" стала "комсомольская Пасха". В апрельские дни 1923 г. в городе прошли вечера Коперника, выступления живой газеты, концерты, всевозможные инсценировки, а так-

же пикеты около городских церквей (ГААО: Ф. 286. Оп. 1. Д. 922. Л. 238). В том же году Архангельский Государственный исполнительный комитет (АрхГИК) издал постановление "О воспрещении хождения по городу в масках". В целях охраны общественного порядка в дни святков было запрещено ходить по улицам города в масках, париках, гриме и т.п. Желающие принять участие в маскарадах обязаны были следовать к месту увеселения в обычной верхней одежде, только после ее сдачи на хранение допускалось надевание масок (ГААО: Ф. 352. Оп. 1. Д. 305. Л. 270). Устройство маскарадов и вечеров теперь находилось в ведении административного отдела АрхГИК.

С 1924 г. стали издаваться журналы ГПП "Изба-читальня", а вскоре и "Деревенский театр", определившие своей задачей "поднятие культурного уровня деревни посредством наглядных живых образов", т.е. советами, сценариями, текстами, инсценировками; журналы "Город и деревня", "Красная деревня", "Журнал крестьянской молодежи" откровенно стремились перевоспитать крестьян на новый лад (Коротяев 1998: 101).

"Хулиганские святочные гулянки" деревенской молодежи пытались заменить "красными гулянками", стремясь вложить в них политическое содержание. Вот перечень мероприятий "красной посиделки" деревни Сюма Шенкурского уезда: 1) доклад о том, для чего нужны такие посиделки и какова их цель; 2) песни; 3) чтение из "Веселого чтеца-декламатора"; 4) чтение фельдшером статьи о чесотке и чахотке; 5) игры (ГААО: Ф. 4687. Оп.1. Д. 440. Л. 8). Не вечеринка, а заседание, перемежающееся развлечениями.

По воспоминаниям Ивана Петровича Попова, бывшего в 1919 г. секретарем Устьпаденгского сельсовета, а в 1924–1927 гг. председателем волостного Исполнительного Комитета в этом же сельсовете, «...заменили хулиганские частушки... хоровыми песнями Демьяна Бедного, "Комаринской", "Как родная меня мать провожала", на злобу дня "Ай да ребята, ай да комсомольцы" и др. Создали спортивный клуб (в доме бывшего кулака Воюшина), драматический кружок, после спектаклей устраивали массовые игры. В 1924 г. купили радиоприемник» (ГААО: Ф. 43. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–10, 13).

Традиционные праздники пытались трансформировать, создать на их основе новые праздники, наполнив их иным содержанием. Постепенно руководство страны разочаровывалось в этой вялотекущей и казенно проводимой переделке народных праздников и переходило к более жесткой политике, отдавая предпочтение запретительным мерам. С середины 1920-х годов власти стали убеждать народ отказываться от традиционных празднеств. Крестьяне, уступая натиску властей, вынуждены были принимать решения об упразднении своих праздников. В 1926 г. подобное решение приняли сельские жители Шенкурского у. Упраздняемые праздники могли быть разными: в деревне Зенкинской – Рождество и Петров день; в Лососевской – день Ивана Богослова и Петров день (ГААО: Ф. 428. Оп. 1. Д. 217. Л. 82). Отказывались от своих праздников крестьяне и в других деревнях Архангельского края. Эта кампания в 1927–1929 гг. стала превращаться в непрерывную и ускоряющуюся по всей стране. В 1927 г., по официальным данным, от религиозных праздников отказались крестьяне 113 архангельских деревень, а в 1928 г. – крестьяне 341-й деревни (Коротяев 1998: 107).

С 1928 г. в Архангельской губ. стали закрываться еще действовавшие храмы и приходы. Первая волна по закрытию церквей прошла в 1918–1922 гг.⁴ В 1929 г. закрыли Архангельский Троицкий кафедральный собор. В Сурской вол. каменный собор Иоанна-Богословского женского монастыря был превращен в кинотеатр, колокольня – в пожарную каланчу, часовня в д. Лавела – разобрана на дрова (Михайлов 1995: 203).

В городах открывались Дома культуры, клубы, по деревням и селам – избы-читальни. Формировалась среда, с помощью которой распространялась новая праздничная культура. В отчете за 1938 г. Дома культуры г. Шенкурска Архангельской обл. сообщалось: "Работало 3 кружка – драмкружок, духовой, кружок по изучению положения

о выборах в Верховный совет. Поставлено 10 спектаклей и постановок, прочитано 3 лекции – "История народов СССР", "А.С. Пушкин и его поэзия", "Остро заразные болезни и борьба с ними", 4 доклада, присутствовало 1188 человек. Организовано 14 вечеров самодеятельности и танцы. Создана культбригада из 8 человек" (ГААО: Ф. 5840. Оп. 1. Д. 15. Л. 27).

Вышестоящими инстанциями давались указания: "В избах-читальнях и красных уголках проводить читку газет и журналов с разъяснением выступлений тов. Сталина. Проводить вечера вопросов и ответов, вывешивать соответствующие лозунги, рекомендуемые списки литературы. На время сельскохозяйственных работ перенести работу политпросветучреждений в поле, на тока, гумно" (ГААО: Ф. 5840. Оп. 1. Д. 16. Л. 40). Кроме того, рекомендовалось отмечать определенные памятные даты. В апреле 1938 г. это были: «Приезд В.И. Ленина в Петроград, день рождения В.И. Ленина, "Апрельские тезисы"; Ленский расстрел рабочих; День рождения А.Н. Островского, Эрнста Тельмана; День смерти Владимира Маяковского, Годовщина битвы на Чудском озере; 375 лет со дня рождения В. Шекспира». Все эти события следовало отмечать проведением бесед, лекций, громких чтот, литературных вечеров, вечеров художественной самодеятельности, организацией выставок. Рекомендовалось также "усилить антирелигиозную пропаганду, учитывая, что 9 апреля с.г. религиозники отмечают Пасху. Провести соответствующие беседы и лекции" (ГААО: Ф. 5840. Оп. 1. Д. 16. Л. 51).

К концу 1930-х гг. можно говорить о появлении советской праздничной культуры в ее новой обрядовой форме. К этому же времени относится возникновение традиции проведения тематических декад национального искусства, культуры, олимпиад народного творчества и т.п. Каждое подобное мероприятие партийные и советские областные организации обязаны были провести как яркий, радостный и запоминающийся праздник (ГААО: Ф. 5790. Оп. 3. Д. 5. Л. 1). За эти годы выросло новое поколение, воспитанное в новом обществе и принявшее новую праздничную культуру.

Великая Отечественная война замедлила процесс развития советской праздничной культуры. В период великих испытаний деятельность Дворцов и Домов народного творчества проходила под лозунгом "Все для фронта, все для победы!" и не ограничивалась выпуском репертуарных листовок. Главные праздники Первомай и Октябрь отмечали, правда, не устраивая больших торжеств. Одним из новых праздничных элементов, появившихся в то время, стали торжественные салюты. Весна 1945 стала рождением нового праздника, который получил дальнейшее оформление в виде Всенародного праздника Победы. Необходимо отметить, что День Победы стал не только общегосударственным, но и общесемейным праздником. Ритуал празднования включал и традицию поминовения усопших.

За десятилетия советской власти в условиях гонений на религию, сокращения числа церквей и господства атеистических взглядов, развития современного образа жизни, появления и утверждения в быту новых советских праздников календарные православные праздники в значительной степени утратили свои былые позиции. Но традиция их празднования не прерывалась. Конечно, многие сохранившиеся праздничные элементы связаны главным образом с семейным бытом.

Праздников, о которых помнят, не так уж и мало. Рождество со святками, Крещение, Масленица, Благовещение, Пасха, Троица, Иванов, Петров дни и др. Сохранились многие обрядовые и игровые действия, которые приурочивались к календарным праздникам в городе и селе. Зимой – гадания и *кудеса* на святках, катание с гор в Масленицу, весной – принесение в дом распускающейся вербы, уборка дома на Страстной неделе, украшение на Троицу дома цветами и ветвями березки, посещение кладбищ в эти дни и др. Стойким моментом, поддерживающим бытование этих праздников, являлось приготовление обрядового печенья – *козулей* на Новый год и Рождество, *шанег* и блинов на Масленицу, крашеных яиц, *сыра* и куличей на Пасху.

По воспоминаниям информантов, *съезжие* праздники продолжали отмечать до конца 1950-х годов. По традиции их праздновали по 2–3 дня, сообща готовили трапезу, варили брагу, пиво, в некоторых деревнях устраивались гуляния (ПМА 2; ПМА 3).

Все это послужило основой для создания новых праздников. О.Р. Будина и М.Н. Шмелева, а затем и другие исследователи выделяли подобные праздники ("Праздник русской зимы", "Проводы зимы", "Праздник русской березки"), называя их новыми календарными, или сезонными праздниками (Будина, Шмелева 1979: 11–13; Полищук 1997: 598; Тульцева 1985: 127–128). По замыслу создателей они должны были, как и старые календарные, соединить в себе трудовое начало с сезонными особенностями момента и с задачами отдыха и общения. В сельской местности проводили трудовые праздники, связанные с началом и завершением отдельных циклов сельскохозяйственных работ: "Праздник урожая", "День животноводства", "Праздники первой борозды", "Праздник Песни" и др. (ГААО: Ф. 3998. Оп. 1. Д. 6. Д. 40–41), в сценариях которых использовались отдельные элементы традиционной аграрной обрядности.

Безусловно, они были порождены советской действительностью и до последнего времени находились в процессе становления. Их отмечало и городское и сельское население.

Начало процесса формирования новых сезонных праздников в Центральной России можно отнести к 1950-м годам, в Архангельской обл. проведение подобных массовых праздников пришлось на конец 1960-х годов. (ГААО: Ф. 5932. Оп. 1. Д. 551. Л. 17–20). В стране возрос интерес к народным традициям, и в быт стали внедряться новые праздничные обычаи и обряды, использующие народную праздничную культуру (Шмелева 1995: 269). Особенно ярко эта тенденция проявилась в создании местных фольклорных праздников народных ремесел. В их программе – выступления различных фольклорных коллективов, воспроизведение традиционных календарных, семейно-бытовых и других обрядов, разучивание старинных русских песен, игр, знакомство с традиционным народным декоративно-прикладным искусством, массовые народные гуляния и пр. Такие праздники обычно проводились в парках, на берегах рек, а также на территории этнографических и историко-архитектурных музеев (Полищук 1997: 599–600). В Архангельском крае наиболее известен музей-заповедник деревянного зодчества "Малые Карелы". На живописной территории музея каждый праздник проходил с развлекательной программой, выступлениями хоровых коллективов области.

К этому же времени относится возрождение изготовления пряников-козуль. Традиции этого мастерства в советское время сохранялись как домашнее ремесло, так как такое пряничное дело многие годы преследовалось как частное предпринимательство (Архангельские козули 1999: 16). Современные мастера создают новые виды и формы пряников. Так появились пряники к юбилеям Москвы и Архангельска, в честь юбилеев – известных архангелогородцев.

В начале 1980-х годов новым этапом в развитии советской праздничной культуры стало создание научно-методических центров народного творчества и культурно-просветительской работы (ОНМЦ), которые помимо осуществления организационно-методического руководства домов культуры и домов народного творчества, продолжали изучение фольклора области, разрабатывали и внедряли в быт сценарии новых праздников и обрядов и, в конечном счете, пропагандировали советский образ жизни. С 1982 г. ведущим направлением ОНМЦ как в Архангельской обл., так и по всей стране становится централизация клубной работы. На 1 января 1984 г. в области действовало 78 централизованных клубных систем, объединивших 47% клубных учреждений на селе (ГААО: Ф. 3998. Оп. 1. Д. 19. Л. 3–49).

Формирование советского праздничного календаря завершилось к середине 1980-х годов. К этому времени он насчитывал десятки гражданских праздников и памятных дат, различных по содержанию (общественно-политические, военно-патриотические, про-

фессиональные, фольклорные, литературные и пр.) и по общественному статусу (международные, общесоюзные, местные).

Празднование таких дат, как 1 Мая, 7 Ноября, 8 Марта, Дни Советской Армии и Военно-Морского флота, не только укоренилось в общественном и семейном быту горожан и жителей сельской местности, но и утратило свой первоначальный пропагандистский характер (Полищук 1997: 587). Интересную метаморфозу претерпели праздники 8 марта и 23 февраля, превратившись в последние годы во всеобщие женские и мужские праздники. В эти два дня "именинниками" чувствуют себя все женщины и соответственно все мужчины независимо от своего возраста. И в городах и в селах в эти дни поздравляют противоположный пол и делают подарки, в детских садах устраивают утренники: 23 февраля – в честь пап, братьев и дедушек, 8 марта – в честь мам, сестер и бабушек.

В постсоветское время в связи с прекращением гонений на церковь и верующих, развитием в стране плюрализма и демократии в общественной жизни растет число людей, посещающих церковь, возрос интерес к православным праздникам, особенно со стороны руководства нашей страны. Обрел статус государственного праздник Рождества Христова. Следует отметить большую роль государства в популяризации православных праздников. В Архангельском крае, как и по всей России активизировалась деятельность православного священства. В 1995 г. Патриарх Московский Алексей II посетил Соловецкий, Сийский монастыри; с. Суру, родину святого Иоанна Кронштадтского, где затем началось возрождение Сурского женского монастыря (Егорова 1995: 380). В 2002 г. в нем начались строительные работы. Современные послушницы работают наравне с бригадой строителей, восстанавливая Никольскую церковь. В монастыре открыта воскресная школа, отмечают православные праздники.

Необходимо отметить, что традиция почитания святых Антония Сийского, Иоанна Кронштадтского (Сурского), Артемия Веркольского не прерывалась в советское время, продолжается она и сейчас (Егорова 1995: 382–390). Сохранилась традиция праздника Троицы в Устьянском районе и традиция посещения кладбища в этот день (Мымрин 1998: 62–63). В Котласском районе Архангельской обл. и сейчас бытуют рассказы о местной иконе Божьей матери на Туровце и о празднике в ее честь (Насонова 1998: 89), в Пинежском районе в с. Сура сохранилось почитание *Девятой Пятницы*. За несколько лет получили новую жизнь старинные *съезжие* праздники в Мезенском районе в д. Кимжа – *Прокопьев* день, в с. Лешуконском и д. Погорелец в Иванов день, в д. Жердь в Петров день, в д. Целегора отмечают *Богородицын* день, в Лешуконском районе в д. Белошелье – праздник *Девята* (Девятая Пятница), в Пинежском районе в д. Еркино – *Богородицын* день (ПМА 2; ПМА 3).

В Архангельском крае степень сохранения традиционной праздничной культуры различна. Лучше она сохранилась в районах с "затрудненной" миграцией: в верховьях рек Мезени и Вашки (Лешуконский и Мезенский районы), в Пинежье, на Зимнем берегу Белого моря, в большей степени это относится к зимнему праздничному комплексу (ПМА 1; ПМА 2; ПМА 3; Дранникова 2001: 8). И в настоящее время существуют традиции ряженья, *кудеса*, в которых принимает участие молодежь (Фролова 2002: 72–88).

За годы советской власти сложился особый цикл гражданских трудовых (профессиональных) праздников, посвященных наиболее массовым и общественно значимым профессиям и отраслям народного хозяйства. В последние годы эта традиция сохранилась. Такими особо отмечаемыми на Архангельском Севере стали День ВМФ, день рыбака, работника леса, день почты (ПМА 2; ПМА 3).

В наши дни так называемые сезонные праздники, сконструированные в годы создания безрелигиозной обрядности и вобравшие в себя элементы старинных календарных обрядов, нашли народное признание. Особенной популярностью продолжает

пользоваться праздник "Проводы русской зимы". В сельской местности большой популярностью продолжает пользоваться "Праздник Песни".

Большинство праздников недолговечно и отвечает запросам времени. Советский период изменил их состав, общественные функции, содержание, художественное оформление. В постсоветское время появились новые праздничные даты, а уже утвердившиеся в быту народа праздники получили новые названия или исчезли как государственные праздники. Так, День международной солидарности трудящихся (Первое мая) стал праздником Весны и Труда, День Советской Армии и Военно-Воздушного Флота (23 февраля) был переименован в День защитника отечества, день годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября) сначала превратился в День согласия и примирения, а затем потерял статус государственного праздника, став памятной датой и рабочим днем. На наших глазах появился новый праздник – День народного единства, отмечаемый 4 ноября. Сравнительно молодой праздник – день пожилого человека, отмечаемый с 1992 г., в Архангельском крае стал пользоваться большой популярностью. 1 октября "именинниками" становятся все пенсионеры и ветераны, и их стараются окружить теплотой и заботой. По всей области в ДК и сельских клубах проводятся концерты, вечера отдыха. Такую же популярность в молодежной среде получил праздник влюбленных, день святого Валентина (14 февраля). Как отмечала центральная архангельская газета "день святого Валентина очень полюбился нам православным, и отмечают его с превеликим удовольствием" (Правда Севера: 6).

На протяжении XX – начала XXI в. в праздничной культуре Архангельского Севера происходило смешение трех пластов (языческого, православного и советского). В наши дни вместе живут и празднуют православные и приверженцы старообрядчества, коммунисты и демократы. Православные храмы соседствуют с памятниками В.И. Ленину и героям революции и гражданской войны, обетные кресты соседствуют с оставшимися коммунистическими лозунгами так же, как деревенские пятистенки стоят рядом с железобетонными многоэтажками. Первой празднуют с Пасхой, европейские салаты и майонез стали так же необходимы на праздничном столе, как *шаньги* и *сочни*. Все эти мозаичные кусочки вместе составляют одну этнокультурную среду, отражающую пестроту, многообразие и сложность современной праздничной жизни Архангельского края.

Приведенный материал наглядно свидетельствует о том, что праздничная культура русских Архангельского Севера, как и общерусская культура, – это одна из форм жизни этноса, его общественного быта. Ее структура и содержание изменяются под влиянием политических, социально-экономических и культурных преобразований. На разных исторических этапах появляются новые праздники и обряды, и только немногим из них суждено войти в праздничный календарь народа и сохраниться в его памяти.

Примечания

¹ Соломбала – с 1863 г. третья полицейская часть Архангельска, расположенная вниз по течению Северной Двины и состоящая из четырех островов.

² Архангельск был основан как крепость по грамоте царя Ивана IV Грозного в 1583 г. В 1613 г. по грамоте царя Михаила Романова город стал называться Архангельским, позднее Архангельском.

³ В описании событий, относящихся ко времени до 1918 г., даты даны по старому стилю.

⁴ В начале XX в. в Архангельской губ. действовало более 30 монастырей, скитов, пустыней. Специального декрета об упразднении монастырей в Советской России не было принято, и закрытием считалось расторжение договора между органами местной власти и коллективом верующих об использовании последними церковных зданий. Одним из первых пострадал Соловецкий монастырь. В 1920 г. здания упраздненного Пертоминского монастыря было решено использовать под трудовую колонию для дефективных детей. В том же году в Антониево-

Сийском монастыре была основана трудовая коммуна. В 1921 г. был упразднен Сурский женский и другие монастыри. Закрытие обителей сопровождалось изъятием ценностей, которое проводилось со многими нарушениями. Участники Северной экспедиции музейного отдела Наркомпроса (И. Грабарь, Н. Померанцев и др.) признали, что музейное дело и охрана памятников старины хуже, чем в Архангельской губ., нигде не обстоит. Еще в 1918 году началась кампания по вскрытию гробниц с мощами в монастырях, и к середине 1920-х годов в Архангельской губ. было национализировано 16 монастырей (ГААО: Ф. 428. Оп. 1. Д. 217. Л. 2–6; Михайлов 1997: 38–39).

Литература

- АГВ 19 – Архангельские губернские ведомости. 1865. № 19.
АГВ 21 – Архангельские губернские ведомости. 1870. № 21.
АГВ 47 – Архангельские губернские ведомости. 1896. № 47.
Андреевский 1911 – *Андреевский В.М.* Материалы, статьи и отзывы печати по вопросу о сокращении праздничных дней. СПб., 1911.
Архангельские козули 1999 – Архангельские козули. Архангельск, 1999.
Бернитам 1988 – *Бернитам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988.
Боговой 1924 – *Боговой И.* Как архангельские рабочие праздновали 1 Мая. Архангельск, 1924.
Бражнин 1972 – *Бражнин И.* Недавние были. Архангельск, 1972.
Будина, Шмелева 1979 – *Будина О.Р., Шмелева М.Н.* Общественные праздники в современном быту русского городского населения // Сов. этнография. 1979. № 6.
Вертячих 1998 – *Вертячих А.Ю.* Веселый Архангельск. Архангельск, 1998.
Волна 1 – Волна. 1924. 3 мая. № 97 (1241).
Волна 2 – Волна. 1924. 7 ноября. № 255 (1399).
ГААО – Государственный архив Архангельской обл.
Давыдов 1986 – *Давыдов А.Н.* Праздники старого города // Следопыт Севера. Архангельск, 1986.
Давыдов 1988 – *Давыдов А.Н.* Архангельск во второй половине XIX – начале XX в. Население. Городская среда. Общественный быт. Л., 1988.
Даль 1957 – Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957.
Дмитриева 1988 – *Дмитриева С.И.* Фольклор и народное искусство Европейского Севера. М., 1988.
Дранникова 2001 – *Дранникова Н.В.* Фольклор Архангельского края. Архангельск, 2001.
Егорова 1995 – *Егорова Л.В.* Пинежские зарисовки. Архангельск, 1995.
Известия 1925 – Известия. 1925. 5 июля.
Иникова 1995 – *Иникова С.А.* Советские праздники в деревне в 1925 году (по письмам крестьян в "Крестьянскую газету") // Русские народные традиции и современность. М., 1995.
Колпакова 1967 – *Колпакова Н.П.* Песенный фольклор Мезени. Л., 1967.
Колпакова 1975 – *Колпакова Н.П.* У золотых родников. Записки фольклориста. Л., 1975.
Кортаев 1998 – *Кортаев В.И.* Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск, 1998.
Крестьянское искусство 1928 – Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Ч. 2. Л., 1928.
Ленин 1958 – *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36.
Лудмер 1885 – [*Лудмер Я.И.*] Северный юбилей. 1584–1884. В память исполнившейся 300-летней годовщины города Архангельска. Архангельск, 1885.
Мазаев 1978 – *Мазаев А.И.* Праздник как социально-художественное явление. М., 1978.
Максимов 1984 – *Максимов С.В.* Год на севере. Архангельск, 1984.
Михайлов 1995 – *Михайлов С.В.* К вопросу о массовом закрытии храмов 1928–1929 гг. // Экология человека. VII Международный Соловецкий форум. Вып. 2. Архангельск, 1995.
Михайлов 1997 – *Михайлов С.В.* Судьба православных монастырей Русского Севера // IX Ломоносовские чтения. Тез. докл. Архангельск, 1997.

- Мымрин* 1998 – *Мымрин В.Л.* Праздник Троицы в современной народной культуре // Народная культура Русского Севера. Живые традиции. Архангельск, 1998.
- Насонова* 1998 – *Насонова А.В.* Устные рассказы о местночтимых святых на Русском Севере // Народная культура Русского Севера. Живые традиции. Архангельск, 1998.
- Описание... 1909 – Описание торжественного празднования в Архангельске 200-летия Полтавской победы 27–29 июня 1909 г. Архангельск, 1909.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора села Сура, Засурье Пинежского р-на Архангельской обл. 1991 г.
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Пинежский р-н. 2003 г.
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Мезенский р-н. 2005 г.
- Полищук* 1997 – *Полищук Н.С.* Развитие русских праздников // Русские. М., 1997. (Серия "Народы и культуры").
- Попов* 2003 – *Попов Г.П.* Старый Архангельск. Архангельск, 2003.
- Правда Севера – Правда Севера. 2004. 15 февраля. № 30.
- Пропт* 1963 – *Пропт В.Я.* Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963.
- Справочник 1997 – Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в X–XX веках. Справочник. Архангельск, 1997.
- Теребихин* 1993 – *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993.
- Тишков* 2000 – *Тишков В.А.* Антропология российских трансформаций // Этнограф. обозрение. 2000. № 1.
- Тулъцева* 1985 – *Тулъцева Л.А.* Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985.
- Тулъцева* 1997 – *Тулъцева Л.А.* Календарные праздники и обряды // Русские. М., 1997. (Серия "Народы и культуры").
- Фролова* 2002 – *Фролова А.В.* Детский и молодежный игровой календарь русских в XX в. // Культурология традиционных сообществ. Омск, 2002.
- Чирцов* 1916 – *Чирцов Д.* Праздники в Пинежском уезде // Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера. 1916. № 11.
- Чичеров* 1957 – *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв. (Очерки по истории народных верований). М., 1957.
- Шадрин* 1866 – *Шадрин А.* Летние и зимние гуляния Шенкурского народа и околородных крестьян // Тр. Архангельского статистического комитета за 1865 г. Кн. 1. История и Этнография. Архангельск, 1866.
- Шергин* 1971 – *Шергин Б.В.* Гандвик – студеное море. Архангельск, 1971.
- Шергин* 1990 – *Шергин Б.В.* Изящные мастера. М., 1990.
- Шмелева* 1995 – *Шмелева М.Н.* Сезонные праздники. Новое и традиционное // Русские народные традиции и современность. М., 1995.

A.V. Frolova. Transformations of the Culture of Celebration and Festivities among the Russians of the Arkhangelsk North in the Twentieth and Twenty First Centuries

The article is an exploration of transformations occurring in the culture of festivities, celebrations, and leisure among the Russians of the Arkhangelsk North in the twentieth and twenty first centuries. The author traces the changes that have taken place in the folk calendar of festivities in critically important transitional moments in the ethnic history of the Russians and pays special attention to the issue of shaping the new Soviet celebration culture.